

М.В. БИБИКОВ*

ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ВИЗАНТИИ

Специфика аграрных отношений в Византии с преобладанием полной (абсолютной) собственности и наличием условных земельных владений, в поздневизантийскую эпоху являвшихся временными, вполне очевидна. Эти отношения (в отличие от положения на Западе) развивались в условиях сильной авторитарной власти, отсутствия типичной для Западе феодальной иерархии, нехватки точного разделения в византийской правовой теории частного и публичного права, они показывают особые черты византийской цивилизации, отличающиеся как от западной системы, так и от античных классических принципов. Суть классического римского права в Византии трансформировалась на основе новых христианских ценностей. Идеи римского права соединялись с византийскими концепциями. В результате создавалась некая новая ментальность средневековых социально-правовых представлений, характеризовавших византийскую цивилизацию.

Ключевые слова: Византия, аграрное законодательство, налогообложение, публичное право, государственная собственность, владение, *superficies*.

The paper maintains that in Byzantium «absolute» ownership had been widespread, and while the conditional possession of land had been present, it was rather transitory, at least, in the late Byzantine period. In comparison to the West, in Byzantium the agricultural land relations developed against the background of the strong authoritative power, absence of the feudal hierarchy, typical in the West, and the lack of any clear distinction between public and private law in the Byzantine legal theory. These particular features of the Byzantine civilization set it aside from either the Western Roman world or the classical antiquity. In Byzantium, the crux

---

* Бибииков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, заведующий Центром истории Византии и восточнохристианской культуры Института всеобщей истории РАН. В основе статьи лежит доклад, прочитанный на XI Международном научном семинаре «Римское право и современность» на тему «Система римского публичного права как основа современного европейского публичного права», проходившем 15–17 ноября 2015 г. в Новедрате (Комо, Италия). Статья подготовлена при поддержке РФНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

of the classical Roman law had been transformed under the influence of the new Christian values. The ideas of Roman law had been joined together with the Byzantine concepts. An offshoot of the Byzantine civilization was a novel mindset of the medieval socio-legal notions.

Keywords: *Byzantium, Agrarian legislation, taxation, public law, public/state property, possession, superficies.*

Изучение проблем аграрного законодательства в Византии, истории создания и функционирования системы земельного налогообложения — традиционная плодотворная тема как для российской науки начиная с В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского, Б.А. Панченко, П.В. Безобразова вплоть до М.Я. Сюзюмова, А.П. Каждана, Г.Г. Литаврина, К.А. Осиповой, К.В. Хвостовой и др., так и для зарубежных исследователей — Г. Острогорского, П. Лемерля, Н. Звороноса, Н. Икономидиса, Э. Арвейлер, М. Каплана и многих других.

Крупнейшим землевладельцем Византии на протяжении большей части «византийского тысячелетия» был император. Он распоряжался обширными государственными (императорскими) земельными владениями. Императорские домены имелись почти во всех провинциях Византии, занимая иногда до трети и даже до половины их территории. Египет до конца IV в. в значительной своей части представлял собой огромный императорский домен. Императорские имения покрывали большую часть Каппадокии. В охватывавшей по делению Диоклетиана 6 тыс. кв. км провинции Азия 400 кв. км занимали домены императора¹.

Теоретически император представлялся главным хозяином византийской земли. В реальности картина была более сложной, если судить как по законодательным памятникам, так и по фискальным и финансовым документам².

По классификации Н. Звороноса, земельные владения в Византии подразделялись в зависимости от юридических принципов на две категории: на земли, находящиеся в полной собственности, и земли, составляющие условные владения, собственность на которые оставалась у государства. К первой, господствующей категории относятся не только мелкая крестьянская собственность (с юридической точки зрения она действительно не отличалась от крупной собственности), но и держания зависимых крестьян-парикиов. Церковную собственность и монастырскую при этом нельзя считать собственностью условной.

---

¹ Курбатов, Фихман 1967, 98.

² Kaplan 1992, 397 sq.

Ко второй категории Н. Зворонос относил «воинские имения» (с XI в. так называемые пронии и эконмии), прежде всего стратиотские участки. Стратиоты обладали землей, предоставленной им государством на условиях несения воинской службы кем-то из членов семьи. Участки эти были наследственными, но неотчуждаемыми³.

Помимо частной и государственной собственности отметим общинную. Именно общинные земли, уголья обеспечивали способность византийской свободной деревни оказывать столь долгое сопротивление наступлению крупного землевладения.

Развитие условного землевладения происходило в основном через задачу вещных прав на государственные земли (императорские поместья, класмы, конфискованные и завоеванные земли)⁴.

По Г.Г. Литаврину, А.П. Каждан показал, что юридически условная собственность в X–XI вв. – не нововведение императорской власти, что это явление было широко распространено в отношениях частных лиц и даже представителей монашеской среды: монах мог иметь в держании на срок жизни и на иных условиях от игумена или другого монаха участок земли или виноградник⁵. Именно к этому виду пожалования в условную собственность принадлежала и прония Манган, предоставленная Константином IX Константину Лихуду, как думает Г.А. Острогорский⁶, хотя на срок жизни могли быть пожалованы и невещные права и это пожалование также могло именоваться пронией⁷.

Другой путь развития условной собственности состоял в раздаче невещных прав, точнее говоря, имел раздачу невещных прав своим исходным пунктом⁸. Эти формы раздач («солемнии») известны от того же времени, что и пожалования в условную собственность вещных прав.

Однако эти пожалования не были равнозначны раздаче в условную собственность; тенденцию уподобиться первым они приобрели только в середине XII в.⁹ Такие пожалования касались, по-видимому, прежде всего

---

³ Svoronos 1956, 328–329.

⁴ Сюзюмов 1973, 62–64; Штаерман 1973, 4; Ostrogorsky 1952, 451–459; Lemerle 1967, 21–22; Oikonomidès 1966, 413–417; Kazhdan 1966, 217–224; Литаврин 1977, 107.

⁵ Каждан 1971, 58–59.

⁶ Ostrogorsky 1970, 41–54.

⁷ Хвостова 2009, 46 и сл.; Бибииков 1998, 188–195.

⁸ Glykatzi-Ahrweiler 1964, 108–114.

⁹ Литаврин 1977, 96.

земель, населенных свободными крестьянами-налогоплательщиками казны. Раздача невещных прав в X–XII вв. подготовила в XIII–XIV вв. распространение на остатки земель свободного крестьянства прерогатив государства как верховного собственника этих земель¹⁰.

По свидетельству «Трактата об обложении», некоторые общинники предпочитали селиться вне деревни, обычно на неразделенных общинных землях; так поступали зажиточные общинники, «имевшие много скота и рабов». В пределах общины возникали агридии – хутора и более крупные усадьбы – проастии, в которых обычно жили «не сами хозяева, но зависимые от них люди – рабы, мистии и подобные им»¹¹.

Что касается зависимых крестьян, то парическое право, понятие о котором возникло, очевидно, еще в IX в., получило юридическое оформление в первой половине X в. и в дальнейшем постепенно стало основным фактором, регулирующим взаимоотношения собственников земли и приселяющихся крестьян. Термин «парик» в X в. приобретает четкий специальный смысл, становясь обычным наименованием зависимого крестьянина¹².

Главной обязанностью государственных париков – «димосиариев», которые представляли собой основную массу зависимого крестьянства, была уплата денежного налога – государственного канона, дополнительных поборов и выполнение государственных барщин – ангарий. Так называемые экскуссаты были связаны с обслуживанием государственного хозяйства. Отличительной особенностью последней категории было освобождение от всех государственных повинностей, за исключением той особой, которая была на них возложена.

По-видимому, еще в IX в. в Византии определенный фонд земельной собственности в крестьянских общинах был переведен государством в разряд воинских земель, а сидевших на них крестьян обязали нести наследственную воинскую службу, которая стала для них основной государственной повинностью. Стратиоты платили денежный налог, но от прочих поборов и барщин были освобождены. Им полагались от государства выдачи деньгами (руга) и натурой (опсоний и ситиресий).

По заключению К.А. Осиповой, крестьяне могли обменять свои участки. «Земледельческий закон» не упоминает о продаже земли крестьянами, но пользуется выражением «справедливая цена земли», поэтому не приходится думать, будто в Византии VIII в. престала существовать купля-продажа земли.

---

¹⁰ Литаврин 1977, 108.

¹¹ Курбатов, Фихман 1967, Т. 2, 116.

¹² Там же, 129.

Более того, в нарушение известного римского принципа *superficies solo cedit* «Земледельческий закон» разрешал владеть деревьями на чужой земле: земля могла принадлежать одному собственнику, а растущее на ней дерево — другому.

Соответственно этому «Земледельческий закон» устанавливает крайне низкие наказания за нарушение прав собственности. Нарушение границ чужого владения не рассматривалось в Византии VIII в. как преступление, как деликт, ведущий к *actio furti*, иску за воровство, но лишь как нанесение ущерба¹³.

Член крестьянской общины в X в. широко использовал право наследования земли, завещания, заклада, дарения, купли-продажи, сдачи в наем и пользование другому лицу. Перераспределение земельной собственности в общине, начавшееся в VIII в., существенно изменило облик византийской деревни.

В X в. «Трактат об обложении» рассматривает крестьянскую общину как основную форму сельского поселения, на периферии которого только еще формируются проастии крупных собственников; в источниках XI–XII вв. картина предстает совершенно иной. Фрагменты финансового кадастра, составленного, скорее всего, на рубеже XI и XII столетий, содержат описание нескольких десятков земельных владений в районе Фив; основная часть земельных собственников — это византийская титулованная знать.

Рост крупной земельной собственности, который начался уже в предыдущий период, приводит к резкому сокращению свободного крестьянства в XI–XII вв. «Лишь кое-где в лесистых и горных районах страны сохранились свободные деревни: в горах Тайгета на протяжении всего XII столетия продолжали существовать славянские поселения, не знавшие никаких повинностей, кроме военной службы»¹⁴.

Помимо пожалования земель в Византии получили распространение условные дарения в пользу крупных собственников: землевладельцу в том или ином виде передавался ряд невещных прав¹⁵. К этой категории официальных пожалований могут быть отнесены такие византийские институты, как «солемний», «арифмос» и «харистикий».

Усилению частновладельческих тенденций способствовала и система податных привилегий, предоставлявшаяся властью крупным собственникам. По К.А. Осиповой, «особенно широко освобождение от уплаты

¹³ Византийский земледельческий закон, 119.

¹⁴ Курбатов, Фихман 1967, Т. 2, 238.

¹⁵ Glykatzi-Ahrweiler 1964, 106.

податей в конце IX–X вв. предоставлялось владениям церкви. В «Исагогу» (IX, 16) было включено положение о том, что митрополии и епископии не должны нести крестьянские повинности... и платить подати. Афонские монахи еще во второй половине IX в. получили освобождение от «вмешательства» сборщиков налогов. «Трактат об обложении» описывает несколько типов податных льгот, даровавшихся государством церковным учреждениям. Все они представляли собой полное освобождение владений церкви от государственных повинностей и различались лишь формальными признаками, в частности способами регистрации жалуемой привилегии. Наиболее характерными из них были так называемые изъятые пожалования, абсолютный и бессрочный характер которых подчеркивался тем, что соответствующие записи о налогах устранялись из писцовых книг»¹⁶.

По своему значению в развитии византийского права к «солемам» и дарениям «париков» был близок и институт «харистикия», который представлял собой передачу (в качестве условного пожалования) монастыря или иного церковного учреждения в распоряжение светского или духовного владельца.

Расширяются и императорские домены. По наблюдению А.П. Каждана, в X в. налоги составляли основной источник доходов казны, рядом с которым сравнительно незначительной оставалась доля, даваемая доменными землями. Однако по мере того, как прежние государственные земли все больше и больше переходят в руки светских и духовных владельцев, и императоры стремятся опереться не столько на государственные налоги, сколько на свои фамильные владения. Если источники X в. лишь в исключительных случаях упоминают о «царской земле», то хронисты XI в. постоянно сообщают об «императорских деревнях», «императорских владениях», расположенных в Малой Азии (за р. Сангарием) и в Македонии¹⁷. Часто области, завоеванные в X и начале XI вв., превращались в императорские вотчины.

В XI и XII вв. в Византии ослабевает централизованная система эксплуатации крестьянства и укрепляются ее вотчинные формы; частная власть землевладельцев формировалась, а рядом с ней продолжал существовать разветвленный, дорогостоящий и продажный государственный аппарат. «Казна — это сторукий Бриарей», — не устает восклицать Феофилакт Болгарский¹⁸, а податные сборщики, по его словам, грабители,

---

¹⁶ Острогорский 1958, 64.

¹⁷ Каждан 1960, 129.

¹⁸ Migne.

для которых божьи и царские законы не более прочны, чем паутинка¹⁹. Ему вторит Михаил Хониат, заявляя, что жадность податных сборщиков — причина всех болезней государства ромеев²⁰; они пожинают то, что не сеяли, и собирают там, где не пахали, и поедают, словно ломоть хлеба, несчастных поселян²¹.

По наблюдению К.В. Хвостовой, «в некоторых поздневизантийских «практиках» мы находим сведения о различиях в социальных статусах крупных привилегированных земельных собственников, существовавших в поздней Византии. А именно, имела распространение собственность архонтов (аристократии), государственные земли фиска, императорские домены, а также собственность церквей и монастырей»²².

Согласно наблюдениям А.П. Каждана наиболее тесно с землевладением была связана именно военная византийская аристократия.

Для гражданской же знати были более характерны не имения с титулом полной и безусловной собственности, а владения, предоставленные казной на определенных условиях, даже скорее обладание не вещными правами («солемнии», «харистикии», «пронии») ²³.

Но все-таки большая нестабильность имущественного положения была характерна для гражданской знати, как это показано в работе Г. Вайса²⁴, и это обстоятельство, несомненно, было связано с ее менее прочными правами в качестве земельных собственников: не вещные права отнюдь не сразу привели к оформлению условной собственности, а условная собственность лишь постепенно эволюционировала к собственности наследственной, как это убедительно показано Г.Г. Литавриным.

«Собственником земель становится монастырь. Как видно, подобная правовая ситуация не соответствует принципу *superficies solo cedit* классического римского права, который обозначал распространение права собственности на постройки, находящиеся на этой земле, и продолжал сохраняться в отношении иных построек не религиозного, а гражданского и хозяйственного назначения»²⁵. Иногда земля, на которой ктито-

---

¹⁹ Migne, Col. 405A, 433B.

²⁰ Choniates 1879, 174.27–31.

²¹ Ibidem, 337.11–15.

²² Guillou, Lemerle, Papachryssanthou, Svoronos 1971, 11.91–92; Papachryssanthou 1986, 139.2–4.

²³ Каждан 1974, 200 и сл.

²⁴ Weiss 1973, 228.

²⁵ Хвостова 2009, 29.

ром возводится храм или создается монастырь, первоначально передается государством ктитору в дар, а затем после возведения религиозного учреждения переходит в собственность последнего. В 104 новелле Льва VI законодательно закрепляется названное юридическое правило. Сообщается, что земля, бывшая ранее государственной, в случае, если на ней — по-видимому, с разрешения государства — построено религиозное учреждение, уже не рассматривается как таковая, а является переданной без всяких ограничений соответствующему учреждению в дар, т.е. в собственность²⁶. Хрисовул императора Алексея I Комнина монаху Христову от 1088 г. предоставляет монаху остров Патмос в вечную собственность, однако при условии, что получатель дара построит на острове монастырь²⁷.

Средневизантийский период и особенно эпоха поздней Византии (XIII—XV вв.) демонстрируют дальнейшее укрепление тенденций, характерных для периода Юстиниана и свидетельствующих о разграничении собственности и владения. Собственность и владение в поздней Византии различались, при этом владение являлось признаком собственности. Владение в соответствии с императорскими пожалованными грамотами классифицируется как признак собственности²⁸.

Другой документ — «Практик» — составлялся с целью введения собственника во владение пожалованной ему собственности. «Практик» составлялся с целью фиксации факта реального владения землей со стороны конкретного юридического лица, определяемого пожалованными ему императором правами на определенной территории.

В Византийской империи налоги с населения являлись главной статьей доходов казначейства, определяя состояние бюджета Империи в целом. Секрет геникона был основным среди центральных ведомств.

Главные принципы византийской налоговой системы были следующие²⁹. «Всякая недвижимость, — сказано в новелле Льва VI, — облагается димосием», т.е. основным налогом с недвижимости (Jus III, p. 220). Еще четче выражено это в «Пире» (Peira, 15, 7, p. 44): «Налоги тяготеют над вещами». Податной год начинался не с 1 сентября (Новый год), а с 1 октября; сентябрь — время окончания сбора урожая — был месяцем завершения сбора налогов за истекший год (Peira, 24, 14, p. 94; 43, 3, p. 201). Сообщения о сборе налогов также в марте нерегулярны и неясны.

²⁶ Noailles, Dain 1944, Nov. CIV.

²⁷ Vranoussi 1980, 58.

²⁸ Guillou, Lemerle, Papachryssanthou, Svoronos 1971, 9, 31, 36, 39; 10, 46, 49, 62, 74, 99; No. 72, 14, 26, 34; 15; No. 89, 76. См.: Хвостова 2009, 25.

²⁹ Литаврин 1977, 202–203.

Источники не позволяют установить, каково было соотношение между натуральными и денежными налогами и как оно менялось со временем. О значительности натуральных сборов с населения дают представление сведения о характере снаряжения экспедиции 949 г. против Крита. «Аннона», или «синона», постоянно упоминается в источниках X в. как источник продовольственного снабжения воинов.

Обложению любого недвижимого доходного объекта предшествовала его официальная оценка налоговыми чиновниками. Земля измерялась в модиях (0,084 га) и оценивалась также по качеству. Для X–XI вв. действовало правило, по которому земля делилась на несколько категорий: земля «орошаемая», «жирная», «рядом с домом лежащая» или «засеваемая», «пахотная», лежащая «вдали от дома»; выделялась пастбищная земля³⁰.

С земли, оцениваемой в 24 номисмы, взимался димосий в размере 1 номисмы, составляя $\frac{1}{24}$ ее стоимости, т.е. 4,166%³¹.

«Качество земли» определялось, скорее всего, на основе данных о ее доходности³². Виноградники оценивались вдесятеро выше, чем пахотная земля³³, но чаще всего их измерение и оценка производились по иной системе, учитывающей число лоз: в «хилиаде» (тысяче) считалось 500 лоз³⁴.

По Г.Г. Литаврину, тяжесть налоговых обязательств усиливалась злоупотреблениями податных чиновников, которые сами повышали нормы налогового обложения, жестоко преследовали недоимщиков, творили всевозможные насилия. Сборщик податей представлял собой самую ненавистную фигуру в византийской деревне³⁵. В глазах современников это были «презренные людишки, не приносящие государству пользы, притесняющие бедных и, проливая кровь их, несправедливо приобретающие себе множество талантов золота».

Как показала К.В. Хвостова, «в условиях византийской автократии, сохранения разветвленной налоговой системы... государство было заинтересовано в сохранении свободного крестьянского землевладения — источника уплаты налогов и на протяжении длительного времени принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права»³⁶.

---

³⁰ Schilbach 1970, 22–27.

³¹ Ibidem, 60.1–10.

³² Успенский 1888, 303; Литаврин 1977, 205.

³³ Schilbach 1970, 236–237.

³⁴ Idem 1970, 101.

³⁵ Leo Diaconus 1828, 240.1–4.

³⁶ D. I.1.1; Baslicorum libri...Vol. I. P. 15. II.1.1.

Например, динатам было запрещено внедряться в свободную фискальную крестьянскую общину, скупать ее земли, подчинять себе население³⁷. В поздней Византии, однако, внешняя угроза и экономический кризис заставляли власть прибегнуть к мерам, направленным на поддержание крупного землевладения, благодаря чему четкая грань между публичным и частным правом иногда стиралась. В результате пожалования крупным собственникам податного иммунитета налоги, от уплаты которых собственник освобождался, не упразднялись, а взимались им в свою пользу. Однако в юридическом отношении в соответствии с государственной правовой доктриной налог никогда не смешивался с частноправовыми платежами³⁸.

Государство с помощью подвластной ему бюрократии и в целом режима, восходящего к эпохе домината, более или менее успешно манипулировало различными группами общества. Государство, основанное на сакральных идеях политической ортодоксии, на переосмысленной с христианских позиций античной правовой и политической доктрине, определяло лицо Византийской империи и цивилизации.

Специфика византийских поземельных отношений с преобладанием полной собственности и наличием условных временных владений к поздневизантийскому периоду, по К.В. Хвостовой, выявилась в полном объеме. Эти отношения, развивавшиеся (в отличие от средневекового Запада) в условиях сильной авторитарной власти, отсутствия феодальной иерархии западного типа, четкого разграничения в правовой теории Византии частного и публичного права и власти, отражали особенности византийской цивилизации, отличавшие ее не только от Запада, но и от античных соответствующих отношений.

Отмеченное смешение обозначений «собственность» и «владение», наблюдаемое в формах условного землевладения, регламентируемого правом прецедентов с использованием представлений о правах на чужую землю («эмфитевсис», «хресис») римского классического права, показывает, что вся совокупность применяемых правовых понятий приобрела новый смысл.

Итак, содержание римского права перерабатывалось в Византии с учетом новых христианских ценностей. Идеи римского права инкорпорировались в восточнохристианские представления. В результате возникли новый менталитет, новые социально-правовые концепции, характеризующие византийскую цивилизацию³⁹.

---

³⁷ Lemerle 1967, 11.

³⁸ Хвостова 2009, 37–38.

³⁹ Там же, 38–39.

Литература

1. *Бибиков М.В.* 1998: Очерки средневековой истории экономики и права. М.
2. 1984: Византийский земельный закон / Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев и др. Л.
3. *Каждан А.П.* 1960: Деревня и город в Византии IX–X вв. М.
4. *Каждан А.П.* 1971: Византийский монастырь XI–XII вв. как социальная группа // Византийский временник. Т. 31, 58–59.
5. *Каждан А.П.* 1974: Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.
6. *Курбатов Г.Л., Фихман И.Ф.* 1967: История Византии. Т. 1–2. М.
7. *Литаврин Г.Г.* 1977: Византийское общество и государство в X–XI вв. М.
8. *Острогорский Г.А.* 1958: К истории иммунитета в Византии // Византийский временник. Т. 13, 64.
9. *Сюзюмов М.Я.* 1973: Суверенитет, налог и земельная рента в Византии // Античная древность и средние века. Т. 9. Свердловск, 62–64.
10. *Успенский Ф.И.* 1888: Византийские землемеры // Труды VI Археологического съезда. Одесса, 303.
11. *Хвостова К.В.* 2009: Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб.
12. *Штаерман Е.М.* 1973: Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский временник. Т. 34, 4.
13. *Glykatzji-Ahrweiler H.* 1964: La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles // Actes du XII-e Congrès international d'études byzantines. Т. 2. Beograd, 108–114.
14. *Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N.* 1971: Actes de Laura. II. No. 71. Paris.
15. *Kaplan M.* 1992: Les hommes et la terre à Byzance du VI-e au XI-e siècle. Paris.
16. *Kazhdan A.P.* 1966: Formen des bedingten Eigentums in Byzanz waerend des X.–XII.Jhs // Byzantinisch-Neugriechisches Jahrbuch. Bd. 19, 217–224.
17. *Lemerle P.* 1967: Un aspect du rôle des monastères à Byzance: les monastères donnés à des laïcs, les charistocaires // Académie des inscriptions et des belles lettres. Jan.-mars., 21–22.
18. *Leo Diaconus.* 1828: Historiae. Bonnae.
19. *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series Graeca. 126. Col. 333C, 357AB, 444C.
20. *Michael Choniates.* 1879: Ta sozomena / Ed. Sp. Lampros. 1. Athens.
21. *Noailles P., Dain A.* 1944: Les Nouvelles de Léon VI le Sage. Paris.
22. *Oikonomidès N.* 1966: The Donation of Castells in the Last Quarter of the 11th C. // Polychronion. Festschrift F. Doelger. Heidelberg, 413–417.

23. *Ostrogorsky G.* 1952: La pronoia. Contribution à l'étude de la féodalité à Byzance et chez les slaves du Sud // *Byzantion*. 22, 451–459.
24. *Ostrogorsky G.* 1970: Die Pronoia unter den Komnenen // *Зборник радова Византолошког института*. Кн. 12.
25. *Papachryssanthou D.* 1986: Actes de Xénophon. No. 15. Paris.
26. *Schilbach E.* 1970: Byzantinische metrologische Quellen. Duesseldorf, 22–27.
27. *Schilbach E.* 1970: Byzantinische Metrologie. Muenchen.
28. *Svoronos N.* 1956: Essai sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petit et grande exploitation // *Annales*. 11-e année. 3, 328–329.
29. *Weiss G.* 1973: Ostroemische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. Muenchen.
30. *Vranoussi E.* 1980: Byzantina eggrapha tou Patmou. Athens.

M.V. BIBIKOV

**QUESTIONI DI DIRITTO AGRARIO
E L'IMPOSIZIONE DI TASSE
IN BISANZIO**

(RIASSUNTO)

La specificità delle relazioni agrarie in Bisanzio, dove si riveva una prevalenza della proprietà piena (assoluta) e la presenza di possedimenti fondiari convenzionali provvisori in epoca tardobizantina si manifesta nel modo più evidente. Queste relazioni si svilupparono (a differenza di quanto non accadde nell'Ovest) per effetto della sussistenza di un potere autoritario forte e della mancanza di una gerarchia di tipo feudale come in Occidente. La mancanza nella teoria giuridica bizantina di una sepa-

razione netta tra diritto privato e pubblico e dell'autorità, raffigurano i tratti speciali della civiltà bizantina che si distinse sia dal sistema occidentale che dai principi classici antichi. Il contenuto del diritto classico romano si trasformò in Bisanzio in ragione dei nuovi valori cristiani. Le idee del diritto romano si incorporarono con i concetti bizantini. Come risultato si creò una mentalità nuova, si potrebbe dire la concezione socio-giuridica medievale, che fu la cifra caratteristica della civiltà bizantina.